

Остерегайтесь подделок.

Незаменимые продукты „КАЛИНИНЪ“

Пиво: исключительно высшего качества СТОЛОВОЕ. Пильзенское, Английский портер.

Напитки: Итальянский, Ситро (Citr), Я С Т А.

Фрукт. воды: Апельсиновая, Английская, Грушевая и друг.

Ягодн. воды: Вишневая, Малиновая, Черносмородиновая, и друг. вкусоз.

Обращайте внимание на фирму

„Калининъ“.

КАДЕТСКОЕ ШОССЕ, № 41. Тел. 14-21.

Остерегайтесь подделок.

Малинское Кредитное Т-во. состоят корреспонд. Моск. Народн. Банка. Принимают вклады, до 8% годовых. Вклады могут вноситься и получаться через Кассу. Касса. Госуд. Банка. сч. № 15438 и Киев. Отд. С.П.Б. Междун. Ком. Банка. сч. № 6413. Правильно высыл. по треб. Агт. М. Калинин, Киев. губ. Кредитному. №2-3 Р3139.

Пенитутская, 12, Квартыры подь контору. торг. учреждения со складами, сараи. 1-го июня 5, 3, 8 с 1-го мая 7. № 2-3 Р3139.

ШАМПАНСКОЕ ЛУИДЕ БАРИ Первокл. французск. марка! Розливъ въ россии! Экономия 2 руб. на бутылку! ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЕМЪ СОРТЪ БРИАНТЪ (БЕЛАЯ БУТЫЛКА). ВИНО СТАРЫХЪ ЗАПАСОВЪ.

№14-10011816

Угри, прыщи и многие другие дефекты лица почти всегда вызваны плохим питанием. Натуральная горькая вода Франца-Иосифа, употребляемая ежедневно утром, в количестве полстакана, регулирует жажду и улучшает пищеварение и на продолжительное время избавляет от всех неприятностей. Кто начинает регулярно употреблять рекомендованную тысячами врачей натуральную горькую Франца-Иосифа, тот вскоре будет образован блестящими результатами и приобретет здоровый, чистый цвет лица. Продажа въ аптеках и аптекарских магазинах. Р6755

Величайшее благоденствие, которое вы можете оказать своим волосам, состоит в регулярном мытье их Пиксафоном, который не только очищает волосы и кожу головы, но, благодаря своему содержанию дегтя (лишенного пагубного влияния химическому обезображивающему способу ашаша и цинка) действует прямо возбуждающим образом на корни волос.

Цена одного флакона Пиксафона, хват. большого на несколько месяцев, 1 руб. 50 коп. Продажа въ аптеках и парикмахерских производят мытье головы Пиксафоном. Р2919

Киев. 5-го апреля 1914 г.

Христосъ Воскресе, дорогие читатели!

В этом привествии, которым впервые обменивались первые христиане, современники Великого Чуда, полагавшего начало новому христианскому миру на развалинах старого — языческого, пусть для вас прозвучит благая весть дивнейшего воскресения и обновления нашей великой Родины.

Почти десять лет прошло с тех пор, как Россия, по слову своего Державного Вождя, вступила на путь реформ, к которому народы

Запада пришли послѣ тяжких внутренних потрясений, послѣ многолетней внутренней борьбы, обогащенной кровью преданныхъ групп. Эта тяжкая, кровавая чаща минула Россию, но на долю ей выпала другая — не менее тяжкая. Призывъ къ обновленію засталъ русское общество смущеннымъ и подавленнымъ безмиллионными жертвами и безмиллионными неудачами только-что пережитой войны, гроза которой гремѣла въ сторонѣ отъ русской земли, но съ острой болезненностью отразилась на всѣхъ углахъ ея, на всемъ необозримомъ ея пространствѣ. И потому далеко не всѣ одинаково откликнулись на этотъ призывъ къ обновленію, не всѣ одинаково его поняли, не всѣ, наконецъ, увидали въ возможность обновленія.

Одни остановились на пороѣ новой жизни, не рѣшились отречься отъ стараго, привычнаго, испытаннаго и потому кланяющагося единственно возможнымъ и приемлемымъ, ради чего то незыблемого, но обманнаго сумракомъ уласовъ междуусобицы, звучавшихъ въ старыхъ и сѣдыхъ преданьяхъ, пришедшихъ съ Запада. Другіе переступили черезъ пороѣ, смущенные и колеблющиеся, презрѣнные багряны прогресса, но неуверенные въ безкрайности и безурочности его завоеванія. Третьи, наоборотъ, ринулись впередъ безъ оглядки, съ дерзкой самонадеянностью мечтателей, переориентировавъ свои силы и не сумевшихъ соразмѣрить ихъ съ действительной потребностью. Четвертые, наконецъ, по всемъ этомъ усмотрѣли лишь возможность занять первое мѣсто на томъ жизненномъ пиру, гдѣ они долго играли роль обиденныхъ, пытавшихся крошками, нававшими со стола пирующихъ, и разбавивъ все раннее бывшее, создать на его мѣстѣ нѣмного порядокъ, казавшихся лучше и совершеннѣе только потому, что они нигдѣ не были приняты и нигдѣ не были провѣрены.

И вотъ тамъ, гдѣ все звало къ мирной и великой работѣ обновленія, возмужавъ нѣмного не великая смуга; нѣмного свѣтлѣе творческихъ силъ на мгновеніе позабывъ темныя силы разрушенія и истребленія, и надъ страной, еще не оправившейся отъ неволи, только что пережитой военной грозы, разразилась другая, еще горше — гроза внутреннего раздора и междоусобицы. Но великъ Богъ земли русской: въ тотъ моментъ, когда всѣ собраныя трудными столѣтними вѣтвями и покоями хранили, казалось, готова была расцвѣтѣть, когда, по общему выраженію одного изъ бытописателей того смутнаго времени, „начальство ушло“ и сила власти казалась пустымъ звукомъ, — въ этотъ моментъ простой русский народъ, тотъ народъ, во имя котораго и отъ имени котораго все дѣлалось, но котораго никто не спрашивалъ, съ которыми никто не считался, — этотъ народъ, видя, какъ держкою питою попираются и оскорбляются его вѣковыя историческія сдѣланы, всталъ на защиту ихъ и однимъ мощнымъ махомъ руки раздвинулъ смуту...

Бѣды ожесточаютъ или учатъ смиренію, ослабляютъ, или закаляютъ въ работѣ. Бѣда, пережитая Русью за эти короткіе десяти лѣтъ, не ожесточила ея и не ослабила, а смиреннѣе ея исторія ея полна смиреннѣе передъ негодами. Но и теперь, какъ тогда, ее ждетъ работа, трудная, неустанная, терпеливая работа на пути обновленія, въ области накопленія народнаго благосостоянія и жизни производительныхъ паровъ силъ. Эта задача остается неизменною и въ свѣтѣе промѣнѣ общественной подлѣма, и въ тусклые дни сумеречнаго безвременья.

Пожелаемъ же нашей дорогой Родинѣ силъ и возможности для такой работы обновленія. Когда же и покажется, какъ не теперь, въ эти дни, нѣмного для всего вѣбрующаго человечества такой великій смыслъ, такое свѣтло, бодрѣющее душу значеніе? Какъ солнце въ свѣтлый день Христовъ Воскресенья гонитъ съ лучезарныхъ небесъ поющую тѣнь, такъ пусть съ лица русской земли исчезнутъ всѣ мрачныя тѣни, мѣшающія ея процвѣтанію. Пусть бодро и уверенно закинутъ работа обновленія вокругъ исторически неизбѣжнаго Царскаго Трона, криваго любовно и преданностью народа, признаннаго къ участию въ дѣлѣ государственнаго строительства. И пусть плоды этой дружной работы, обновленія Русь со свѣтлой вѣрой въ будущее встрѣтитъ великій праздникъ и на обновленное къ ней свѣтлое блаженство откликнется уверенно и радостно: Воистину Воскресе!

БЛУЖДАЮЩІЙ ОГОНЕКЪ.

Рассказъ.

Ю. В. Ревякина.

Однажды Стратуны и Свѣтлукъ поѣхали въ прощаль въ прекрасный К-омъ лѣсничества. Проживавъ въ домѣ дѣлскаго Андрея Павловича Пономарева. Андрей Павловичъ былъ страстный любитель природы и отличной охоты; онъ пріятнымъ весьма увлеченнымъ характеромъ и особенной способностью прілавать всему, что его окружало, видѣть тайную уютности и комфорта. Пономаревъ былъ одинокимъ. Потерявъ нѣжно любимую жену, онъ горько оплакивалъ ее и остался навсегда вѣрнымъ ей памяти. Онъ принадлежалъ къ рыцарскому типу людей, которые любятъ въ жизни только одно: развѣ, одинъ развѣ переживать тяжкую утрату и навсегда зами-

нать свое сердце, ставъ склонное у нѣмкого къ банальному чувству „забвенія“. Удачно поохотившись въ началѣ Страстной недѣли на глухарей, нѣмкого сложнаго свое оружие, такъ какъ Андрей Павловичъ послѣдній день Страстной недѣли и первый день Свѣтлой недѣли не брать ружья въ руки. Стояли прекрасные весенніе дни и еще болѣе прекрасные вечера, которые мы обыкновенно проводили въ лѣсу, мирно наблюдая, какъ его оживленно веселые и жизнерадостные обитатели праздновали свѣтлый моментъ возрожденія. Понимая на второй или на третій день св. Пасхи мы сидѣли на огромномъ дубовомъ пнѣ, укусе-номъ сплеленномъ и нѣмкого видѣ большаго круга стола.

Солнце уже зашло, послѣдній развѣ тепло озаривъ острокопченныя верхушки елей. Было очень тепло и тихо, если не считать отдаленнаго и нѣмкого крестная жабѣ. По временамъ въ голубоватыхъ сумеркахъ съ сочнымъ и плавнымъ гудѣньемъ пролетали большіе жуки, а надъ зарослями небольшой узкой ногабной рѣчки одинъ за другимъ дружно танцуютъ выхлѣпны; ихъ пріятное хорканье и нѣмкого-звучное посвистыванье не умолкали ни на одну минуту до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло окончательно. Съ одной стороны надъ еще обнаженными дубами выступила вечерняя звѣзда, казавшаяся въ этотъ вечеръ необычайно яркой, съ другой стороны въ толщѣ тѣхъ, нависшихъ надъ горнотомомъ, беззвучно жигали зарницы. Гдѣ-то утробно и хрипло прозвучалъ дикій козель. Въ урѣмъ, подготовились къ безконечнымъ весеннимъ пѣснямъ, цѣлкомъ соловей, еще сбивався и не успѣвъ мастерски отыгнать свои ноты...

Послѣ некотораго молчанія Андрей Павловичъ вздохнулъ и произнесъ: —Этотъ тихій вечеръ напоминаетъ мнѣ необычайно исторію, нѣмкого большое значеніе для всей моей послѣдующей жизни... Хотите, я вамъ ее разскажу?

—Я, конечно, выразилъ полное согласіе... —Было это, назавъ Андрей Павловичъ, въ счастливый мой мѣсяцъ... И багнотулоно проходилъ второй курсъ въ лѣсовомъ институтѣ и находился въ той порѣ, когда тысячи полузрѣлыхъ одолѣвають молодой умъ, совершается переходъ отъ юности къ болѣе зрѣлому возрасту, а въ годѣе замѣтаются смѣнные перемены отъ свѣтлаго тѣнорка къ багнотулоно нотамъ... Въ тѣ невосторжнѣе дни я, къ прискорбью, какъ разъ находился въ полѣе полнаго невѣрія, отрицанія божества, безмѣстны души и всѣхъ другихъ мѣмкого-человѣческому сердцу завитовъ, востановки, какъ говорится, съ моимъ матерью... На буйной годовѣе у меня росла тогда лѣтняя конна волюта, а на подборѣе выступала пожелая на пухъ гусеница жидкая борода... И очень важно тербѣе эту бородку, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно опомнѣе къ нѣмкого моимъ домашнимъ, готовившихся къ свѣтлому празднику, разсуждая о Дарвинѣ, о произведеніяхъ Биппо, асимпая своихъ случайныхъ оппонентовъ сотнями нахвтаныхъ по всѣмъ научнымъ угламъ изреченій и сенсаций. Вотъ въ такомъ то состояніи лѣтняя моего стараго и достаточно туманнаго представленія о новомъ прібытіи я на пѣхалыми канцелярѣе къ своему отцу, бывшему старшимъ лѣтнимъ-ревизоромъ... Конечно, въ качествѣ вѣнѣе невѣрующаго, отпаивающаго материалиста и ученаго человѣка, я снисходительно-нискобно оп

служу, которой при одинокой особе Гускиной-Закурчиной состоял целый штат. Гускина-Закурчина жила крестными традициями, и за неимением работы и разницы пошла себя таковых за деньги.

«Аспид», отомылась о ней прислуга, «но богатая, платит хорошо, только из-за этого и живем».

Парикмахер был забавен давно, чуть не за неделю, уже дважды горничная справилась по телефону, по забыл ли, придет ли к нему Теодор к условленному часу, но так как Евгения Михайловна, не взирая на ответ, что к нему Теодор будет через час, продолжала беспокоиться, рисуя себе одну картину мрачной другой: как она опоздает к завтраку, или совсем не попадет из-за парикмахера, то состоявшая при ней из нескольких компаньонки и приживалки номер первый содомонная генеральская вдова, Мария Николаевна Аршинина заблагоразсудила позвать за креслом Теодора ласки и карету, чтобы являла, пока парикмахер освободится, и вези бы его на Сергиевскую.

Одна из горничных обувала Евгению Михайловну, другая ходила около дорогого парижского платья, которое Гускина-Закурчина должна была надеть впервые и которое она привезла из своей последней поездки за границу.

Аршинина, что говорится ни бельмеса не зная по-французски, но имевшая претензию говорить по-русски «с французским акцентом», приехала возмущенная Евгением Михайловичем, ставившим воды с флер д'оранжем и, уговаривая ее выпить этот успокаивающий нервный напиток, говорила:

— Выкушайте, Евгений Михайлович, этот стакан... (точно на конце слова «стакан» было не русское «ань», а французское «ап»).

Она точно также произносила слова: диван, фонтан, словом, все слова на «ань», говоря: диван, фонтан... И рядом с этим, переняв у Евгения Михайловича одно из ее любимых восклицаний: «changement», она произносила его по-русски «шармант», очевидно считая «шармант» и «шармант», который она почему то не удавалась норовить звуков, исключительный.

— Пригубите только, Евгений Михайлович, настаивала она, и терпеть не люблю, когда вы волнуетесь: у вас сердце слабее... далеко ли до греха...

Компаньонка и приживалка номер второй, Капитолина Егоровна Пришлякина, эта уже не содомонная вдова, а вдова настоящая, офицерская вдова, как называла она себя, хотя ее муж никогда офицером не был, а был становым, носил военный мундир со жгутами вместо погон, говорила по-французски, говорила ужасно, откровенно произнося французские слова и дала грубую ошибку в построении фраз. Но она любила коверкать французский язык — и чтобы казаться божественной, и чтобы звать Аршинину, французский познания коей дальше «стакан» и «шармант» не шли.

«Ву зелье три пальца...» ружие в плечо бок... сообщила она Гускиной-Закурчине, обладавшей одной из тех физиономий, которая никакой причиской не срашится, никакими косметиками не улучшишь, одной из тех физиономий, которой разумней всего было бы ступать, не лезть в глаза туалетам не по возрасту, прическам и шляпкам слишком вычурными, наконец, злоупотреблением всякими притираниями. Словом, наружность Гускиной-Закурчиной была столь непривлекательна, что никакая богатства Евгения Михайловича, к тому же отличавшейся пренебрежительным характером, не могли удержать ее мужа, Ивана Ивановича Гускина-Закурчина, который был совсем не богат, у юбки его дрожавшей половины. Женясь на ней ради ее средств, Гускин-Закурчин, вдвоем с женой, предпочел скромную одиночную жизнь роскошной жизни с таким уродом и такой «киевской вдовой», какой была Евгения Михайловна.

III.

Другая старая кокетка, тоже некрасивая и по характеру тоже далеко не ангел собиралась к завтраку, но уже не в Удаль, а в одну из домовых церквей на Петербургской.

И тоже ждала парикмахера, но уже не француза, а чистового русского, торговавшего под французской вывеской: «Léon Coiffeur de Paris».

Где-то на распродаже было куплено громадное перо, чтобы всадить его как козл в вуафору, портниха с Петербургской сшила по журналу парижских мод платье, спутавшее неуловимо ноги и уродливо выпятившее живот, бок и прочее.

Зато ее belle-soeur, страшная скряга, одевавшаяся с ней в одной комнате, из скудости не признававшая ни парикмахеров, ни мод, принадела себя водой волосы, устроила себе на макушке из жидких, темных, с проседью, волос крысиный хвостик и облеклась в туалет, который одевалась в торжественные случаи, много лет с того еще времени, когда дамы носили юбки-грисессы, с длинными впереворотными хвостами.

Возле жены и свояченицы лебезил мужчина очень лысый, очень вертлявый, один из тех Дон-Жуанов петербургских окраин, которые — весьма пахальны, не в миру высокого о себе мнения и самого низкого мнения о женщинах, впрочем потому, что порядочные женщины к себе таких фатов близко не подпускают.

Так собиравшись к завтраку Петр Петрович Шпилькин, его жена и belle-soeur.

IV.

И много еще разного люда по разному и в разных местах собиравшись проводить наступавшую Пасхальную Ночь.

Между прочим, в одном из меблированных домов Петербурга пришел приятель к приятелю.

«Никогда, что это ты завалился с такого позаранку спать?» торжественно Геннадий Осипович Макушкин тусоватую фигуру, загнувшись с головой под одеяло. «Вставай, подымайся, ты же народ!» Пойдет к завтраку, а оттуда разглагольствовать к Сошкиным. И давно хочу тебя познакомить с ними: милейшие люди, хитросовы, каких мало. Надо удивляться, как в этом черном, эгоистическом Петербурге могли уцелеть такие редкостные люди. Да ты, батенька, не притворяйся, а ты за ноги с кровати свеси, давай тебе холодной водой... И

«Воскресение Христово» Ижакевича.

Киево-Печерская Лавра.

Едва пришла весна с чарующим привѣтом,
И на низах ложбин послѣдний снѣгъ исчезъ,
Какъ мѣръ проснувшейся обѣянъ новымъ свѣтомъ
Любви восторженной, молитвы и чудесъ.

„Христосъ Воскресъ!“ вокругъ щебечутъ громко птицы,
„Христосъ Воскресъ!“ гудятъ съ высотъ колокола,
И даль привѣтливо синѣетъ безъ границы,
И глубина небесъ прозрачна и свѣтла...

Въ день этотъ радостный ликуетъ вся природа—
Сегодня сломлены старанья темныхъ силъ,
И ангелъ благодѣтельный, принявъ камень входа,
Скорбящимъ женщинамъ спасенье возвѣстивъ.

„Кого вы ищете? Нѣтъ Господа во гробѣ,
Онъ рекъ рыдающимъ,—изъ мертвыхъ Онъ возсталъ
И смерть суровую въ ей безсильной злобѣ
Своею смертію Божественный поправъ!“

И вѣсть волшебная съ тѣхъ поръ волнуетъ груди...
Прошли вѣка, но въ жизненныхъ боляхъ
Въ ней силы бодрѣя берутъ дониндѣ люди
И жарко молятся въ восторженныхъ слезахъ.

Не страшны бѣдствія имъ въ гибельномъ туманѣ—
Господь спасаетъ ихъ, для нихъ Онъ и воскресъ...
Съ Великимъ Праздникомъ, о братья-христіане,
Со днемъ чарующимъ отрады и чудесъ!

Н. Архангельскій

Богу, окая, вонъ какъ сегодня Страстная суббота!»

Тусоватая фигура Карла Федоровича Мунка высунула изъ подъ одеяла свою блондиную, кудрявую голову съ женственными румяными щеками и застывшими голубыми глазами стала шуриться на Макушкина.

— Неловко идти въ незнакомый домъ первый разъ ночью, разглагольствовать, промывать Мунетъ.

— Чего тамъ неловкого? Во-первыхъ, это мои друзья... Во-вторыхъ, это не домъ, а пріютъ для всѣхъ сирыхъ, голодныхъ...

— Но вѣдь мы съ тобой не голодные...

— Да, но мы сирые. Въ такую ночь хочется быть въ семьѣ, въ людяхъ, а не разглагольствовать болыками...

— Да ты и не постылся, а я какъ не православный...

— Все равно, постылся, не постылся, православный, не православный, изволь вставать, пойдемъ со мной къ завтраку и потомъ къ Сошкинымъ. Тамъ сегодня будутъ въ сборѣ всѣ шуты и шутихи...

— Какіе шуты и шутихи?

— Сама Сошкина не человекъ, а ангелъ: и красива, и милая, и добрая, но хитроумна, какъ котъ, подаетъ ей людей, которые потѣшали бы ее, какъ въ старину забавляли шуты и шутихи. Она наворочитъ, и денегъ дастъ, только потѣшай ее...

— Я то въ шуты къ ней идти не намеренъ...

— И безъ тебя, батенька, ихъ довольно... Мы съ тобой пойдемъ въ качествѣ зрителей. Занятно, очень занятно! Напримѣръ...

Нѣтъ, впрочемъ, ничего не буду разглагольствовать—самъ увидишь...

V.

Во всѣхъ столичныхъ переездахъ отомши завтраки и начались ранніе обѣды. По городу несется колокольный звонъ. Оживленіе на улицахъ было какъ днемъ въ большой праздникъ. Горькіе намоинации. Люди шли домой отъ завтрака съ зажженными свѣчами. Вездѣ видны были христосующіеся. Духовенство свѣтило куличи, пасхи, яйца. Настроение царило самое приподнятое.

VI.

Въ Сошкинѣ съѣзжались и сходились на розговѣны. Гускина-Закурчина приехала на парѣ вороныхъ въ освѣщенной электричествомъ каретѣ, съ ней пріѣхали ей двѣ приживалки.

Шпилькинъ съ женой и свояченицей пріѣхали на извозчикѣ, причемъ Шпилькинъ настаивалъ, чтобы взять двухъ извозчиковъ, а Шпилькина говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, одного... Сегодня извозчики дорогие.—Наденка можетъ съѣсть въ намъ на колѣни...

— Она насъ раздавитъ... Съ ей то ком-плекси...

— Ничего, не раздавитъ.—Ты вѣчно привередничаешь...—Извозчикъ, на Васильевскій, первая зинка...

— Смольныхъ везти?

— Троекъ...

Сторговались, стали лѣзть въ пролетку. Вѣзла Шпилькина, силою усадила радомъ съ собой мужа и стала звать сестру.

— Надинъ, montez...

Надинъ, подбирая юбки и обнаруживая свои толстыя икры, подѣлала въ пролетку. Въ это время лошади дернула, и Надинъ всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ обрушился на Шпилькина, у которого были подаренные боги въ лѣвомъ колыбѣ.

— Ай, ай, ай—не могу... Я лучше пѣшкомъ поѣду... завопила она.

— Сидите,—прикрикнула на него жена, усаживая сестрицу къ себѣ на колѣни. Ну трогай, извозчикъ!

VII.

Сошкины жили богато, но по старомодному. Квартира у нихъ была большая, дорогая, но обстановка не отличалась стильностью. Самъ Сошкинъ любилъ картины, и его кабинетъ представлялъ изъ себя настоящий музей. Но гостиная, столовая и остальные комнаты не могли похвалиться прежде всего порядкомъ. Двери, напимѣръ, въ парадныхъ комнатахъ были испещрены разнаго рода надписями. Такъ, на одной изъ дверей въ гостиную красовались стихи:

«Во мнѣ, мамзель Алясъ,
Синюю повернись,
Пуганка и отъ природы,
«И мнѣ странный уродъ».

И внизу дуэтишке:
«Сударыня, мнѣ жалко вась—
Вы не шампанское, а квасъ».

На стѣнѣ въ столовой все тотъ же шутникъ, такъ какъ почеркъ вездѣ былъ одинъ, написанъ карандашемъ:

«Здѣсь ѣдятъ гусей».

Въ этой столовой, въ эту ночь, былъ накрытъ большой парадный пасхальный столъ со всѣмъ тѣмъ, чему полагается быть на богатомъ пасхальномъ столѣ. Посрединѣ стола стояла роскошная корзина живыхъ цвѣтовъ, подарокъ Гускиной-Закурчиной. И сама Гускина-Закурчина въ своей прическѣ, въ своемъ нарядѣ, походила тоже на своего рода корзину цвѣтовъ, изъ которой выглядывала сильно намазанная филономъ, претензионная и пуцовая, какъ отвѣтствующій цвѣтъ.

Макушкинъ и Мунетъ пріѣхали, когда почти все общество было уже въ сборѣ. Среди точно нарочно подобранныхъ дамъ, одна старше другой, одна уродливѣе другой, блестящей своей красивой паружностью и элегантнымъ туалетомъ хозяйка дома, женщины лѣтъ подъ сорокъ, но прекрасно сохранившиеся, изящная, симпатичная.

«Все это ея рецусуары», шепнула Макушкинъ Мунку, которого онъ, представивъ хозяйку и хозяйѣ дома, сталъ знакомить съ гостями. «Предстѣвшая изъ прелестнѣйшихъ, какъ Прометей, похитившій огонь съ неба, похитившій весь шикъ Парижа, позволяте мнѣ представить вамъ моего друга, барона Мунка, давно влюбленного въ васъ, очаровательную Евгению Михайловну».

Гускина-Закурчина сначала послала злобный взглядъ Макушкину, постоянно надъ ней надвигавшемуся, а за сѣмъ, посмотрѣвъ на Мунку, наружность коего, видимо, пришлась ей по вкусу, пріятно османилась и сдѣлала Мунку глазами.

Сошкина, уловивъ эти «глазаны», прістала къ Гускиной-Закурчине, чтобы она похристосовалась съ барономъ Мункомъ, которого такое предложеніе сильно сконфузило. Онъ покраснѣлъ, какъ самая конфузливая барышня.

Гускина-Закурчина отнеслась къ этому предложенію какъ къ посягательству на ее

дхамудры. Съ глазу на глаз она охотно подкалывала бы съ барономъ, но при этомъ...

—И никогда не цѣлюсь съ мужчинами... Вѣра Васильевна не можетъ безъ глупостей, даже въ такую ночь...

Тогда Софьяна пристала къ Надии, чтобы она похристосовалась съ барономъ и съ Макушкинымъ.

—И божь, съ ней цѣловаться, она, чего доброго, мнѣ еще посяетъ откутить, отшучивается психолога-Макушкинъ.

Въ столовую вошли два новыхъ гостя: старая и помоложе. Онъ приписалъ лобзаться сначала съ хозяйкой и хозяйномъ дома, а заснулъ переключившись по три раза со всеми гостями, съ знакомыми и даже съ незнакомыми.

—Сегодня такой день, говорила та, что была постарше, полагается со всеми христосоваться. И я христосуюсь. Въ обыкновенное время по кт. мѣня, старуху, поцѣлуетъ, а сегодня...

—Обоимъ! поцѣлуйте! Макушкинъ, до второго дома очередь.

—Нѣтъ, не обожусь... Давайте цѣлки.

Макушкинъ, выхвативъ правую щеку лязкомъ, говоритъ:

—Нате, цѣлуйте, коли вамъ такая охота... Вотъ кетан и его поцѣлуйте—онъ еще не цѣлованный, и Макушкинъ указалъ на забывающаго въ уголъ Мунка.

—Ахъ, вы лязчикъ, лязчикъ, ахъ, вы никогда на цѣловались балабола! Даже въ такую ночь вы не можете безъ того, чтобы не стрѣлять изъ себя шутокъ...

—Да тутъ всѣ шутокъ и шутокъ выпалила Макушкинъ.

—Какъ вѣдь, что онъ говоритъ?... Вѣра Васильевна, уйдите его... Онъ говоритъ напѣвкомъ гостямъ дерзости... Я сейчасъ уйду... напѣвкомъ Гускина-Закуринъ.

Онъ обѣщалъ, только что приступивъ къ самой энергичной атаке пашаляго стола, почувствъ всеобщий отъѣздъ, принялся торопливо улетѣть за обѣдней положенные на тарелку куски ветчины, курятины, поросенки, телешники, въ перекужку съ некогдашней пашей, кушачемъ, баумухомъ и другими ластавами.

Съ особымъ азартомъ проглатывала все это Аршинина, способная бѣжать за троихъ и, однако, тогда какъ Кошечка беспрестанно...

Софьяна полу-строга, полу-шуточно принялась останавливать Макушкина, заставляя его извиниться передъ Евгенией Михайловной.

Надня тоже вломилась въ амбизию, она тоже не соглашалась быть шутихой. Остальные гости не протестовали.

Хоть Макушкинъ такъ таки не передъ тѣмъ не извинился, Евгения Михайловна и Надина похаживали, похаживали, Надина даже сказала: «я первый разъ въ такомъ обществѣ», но въ концѣ концовъ наша себя утѣшенье въ ластвахъ и пѣтихъ.

Подъѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей, и все это голодный оравой обшлось на пашаляго стола, отъ котораго скоро остались только одинъ обѣдъ.

Свѣтало, тогда публика стала разбѣжаться и расходиться.

Гускина-Закуринъ, поддерживаемая съ двухъ сторонъ своими приживалами, полусонная, полураскисшая отъ несвоевременно лишнего съѣденнаго и выпитаго, усталая отъ сѣбѣ, къ завтрашнему завтрашнему, и наконецъ затихнувшихъ разговоровъ, растаивая слова, которая точно застрѣла въ ея горло, шипѣла по-французски:

—Давъ себя слово больше никогда не ѣздить съ Софьяной... Какое обещаніе! Какіе разговоры! И въ такую ночь...

Надня, усаживаясь на извозчика и опять въѣзжая на колѣни сестры, говорила: —Какая жаркая вѣтрица—одно слово. У меня жегетъ подъ локоточекъ. И полное отсутствие, какъ всегда, интереснаго кавалера. Одно бабье и какое бабье—старухи изъ разныхъ богатствъ!

Съ этимъ согласился и Шпилькинъ, всю жизнь измѣнявший женѣ, на которой женился ради принаго, и нишуи въездъ, въ томъ числѣ и въ гостиницахъ, интрижки. Одна изъ богатѣйшихъ пансіонерокъ, старуха, которая переключала всю публику, пашла, что кушанья не достаютъ по вышенна, а жареная паша—переварена. Ея подруга, помоложе, осталась недоуздана тѣмъ, что ее не просили пить. Она была отставной пѣвицей, точище выражая отставной христовой, пѣла отчаянно, въ любви, чтобы ее слышали и восторгались бы ея пѣніемъ.

Словомъ, всѣ остались чѣмъ либо недовольны, а нѣкій ханчикъ, выхвативъ пѣвелью бутылочку вина и находясь въ состояніи близкомъ къ невменяемости, даже позволилъ себѣ очень нецензурно, громко, при шепелѣ, выругать домъ Софьяны, отплативъ за то, что его саникомъ тамъ обокорили и обокорили. Только Макушкинъ и Мунка не ругали гостеприимныхъ хозяевъ за ихъ хлѣбъ—солъ.

Мунка сказалъ:

—И охота Софьянѣ привинять такую шуточку?

—Это заминаетъ. Вѣру Васильевну. Я тебѣ говорилъ, что она обожаетъ шутокъ и шутокъ. Сегодня все обошлось еще какъ то потише, а то иной разъ прямо въ театръ не надо ходить. Напрямъ, къ этой старой дурѣ—знаешь той, въ пѣнишю-вои... прикомандируютъ какого-нибудь паша-молочка, вобьютъ ему въ голову, что у нея миллионы состояніе, что она можетъ выдать да него замужъ, и вотъ начинается потѣха: онъ ходитъ за ней по пятамъ, свали зубы на ея миллионы, а она, старая дуря, думаетъ, что юнѣ интересна ея физиономія и начинаеи жеманиться...

УШ.

Такъ, въ разныхъ концахъ Петербурга, въ разныхъ его кварталахъ, въ однихъ и тѣхъ же домахъ, но въ различныхъ квартирахъ, комнатахъ и углахъ, разныя встрѣчали праздники изъ праздниковъ, Свѣтло Христово Воскресенье.

ВЪ ВЕЛИКУЮ НОЧЬ.

(Истинное происшествіе).

I.

Выходило такъ, что купчикъ и первый день Пасхи мужъ былъ свободенъ отъ дежурства, и заранѣе было рѣшено, что онъ поведетъ въ церковь къ завтрашней и въ-сѣ возмѣтитъ обшвеніи куличи.

Зили мы тогда въ маленькомъ поселѣ, въ близинѣ отъ желѣзнодорожной станціи, гдѣ домовъ было не больше десяти и всѣ на бѣже или мѣше значительномъ разстояніи одинъ отъ другого. Домикъ, въ которомъ жили мы, стоялъ на самой окраинѣ поселка и больше всѣхъ остальныхъ былъ удаленъ, какъ отъ станціи, такъ и отъ прочихъ домовъ поселка, отчего мнѣ иногда было очень жутко, когда мужъ уходилъ на почное дежурство.

Квартира наша состояла изъ двухъ маленькихъ комнатъ и большой кухни съ однимъ чернымъ ходомъ, который велъ черезъ маленькое крылечко, заставлявшее съин на почное дежурство.

Въ кухнѣ у входа стоялъ большой пушторожный сундукъ, въ которомъ, дромъ коимъ-какого стараго хлама, ничего не было, почему онъ у насъ никогда и не зашарасла на замокъ.

Въ девять часовъ вечера, придя со службы домой, мужъ переодѣлся и, какъ было условлено, взявъ куличи, пошелъ въ сельскую церковь къ завтрашнему. До села Свитовки было три версты, такъ что на скорое возвращеніе мужа я не рассчитывала и, хотя мнѣ было очень нецѣлостно оставаться на ночь дома одной, тѣмъ не менѣе я въ возражала желанію мужа пойти въ церковь. Докончивъ кое-какую уборку, я сообразила, что отхожу, такъ какъ отъ предпраздничной суеты, и одна держалась на ногахъ. Это было около двѣнадцати часовъ ночи.

Укрывъ разставшаго крѣпко спавшаго ребенка, я опустилась на колѣни съ намереніемъ помолиться на сонъ грядущий, какъ вдругъ съившая въ кухнѣ маленькая собачка заворчала. Нужно замѣтить, что Тузикъ, такъ мы звали собачку, никогда зря не задеваетъ и не заворчитъ. Ворчаніе повторилось, и я вѣстено услышала подозрительный шорохъ и сѣрпъ большого сундука.

И, да, показавъ и каждая женщина на моемъ мѣстѣ, такъ и обомлѣла, но мало ли какой шорохъ бываетъ: быть можетъ мышь или крыса... Набравшись храбрости, я вышла изъ кухни и изъ спальни черезъ среднюю комнату подошла къ открытой въ кухнѣ двери. Дрожа отъ страха, я заглянула въ кухню, и въ этотъ моментъ крышная сундука стремительно отворилась и изъ нея показалась черная кошачья голова съ липотомъ, вымазаннымъ сажей или чѣмъ то другимъ чернымъ; въ слѣдующій моментъ я замѣтила въ рукахъ знакомаго свернувшись кошкой.

Представлю вамъ, господа, судить, что могла почувствовать одинокая, беззащитная женщина въ этотъ моментъ. Яростно накинувшись на неспящего гостя Тузика, получила ударъ ножа и тутъ же замерла свалилась, вылетѣвъ нѣсколько разъ. И я до сихъ поръ поражаюсь, какъ у меня хватило силы воли поступить также такъ, какъ я поступила. Въ одно мгновеніе она захлопнула въ кухню дверь, я вышла съ на крошечку и на ключъ и, оставившись въ отпѣвннхъ, не зная, что мнѣ дѣлать дальше.

За дверью послышались брань и угрозы, и подъ мощными ударами и дерганіемъ громады, дверь задрожала, какъ основной листъ. Я инстинктивно продолжала держаться одной рукой за дверную ручку, нѣтъ въ другой—горящую лампу, и въ то же время чувствовала, какъ на голову шведаетъ волосы, какъ бы стремился съ борнемъ вылетѣ изъ своихъ гнѣздъ.

Вдругъ, рѣзкимъ диссонансомъ этому жуткому шуму раздался электрическій звонокъ, а въ слѣдующее мгновеніе послышался звонъ развивающихся стѣнокъ... силы меня оставили и я грохнулась на полъ, уронивъ горящую лампу...

II.

У самой Свитовки протекаетъ не глубокий ручей. Братаній путь въ село всѣмъ черезъ него по досчатой перекладкѣ, положенной въ узкомъ его мѣстѣ.

Перекладка была узка и, прохлди по ней, мужъ какъ то оступился и упалъ въ ручей. Хотя воды было не больше, какъ по поясъ, но при паденіи мужъ окунулся въ воду головой и выбрался изъ нее весь мокрый, какъ говоритъ, «хотъ выкутить». Пострадалъ и куличъ. Что-было дѣлать? Въ такомъ видѣ идти въ церковь, само собою разуметься, было немислимо, возвращаться же домой было далеко да и не безопасно, не трудно былъ и простудиться. Что дѣлать.

Тутъ мужъ вспомнилъ, что недалеко живетъ холостой учитель, съ которымъ онъ знакомъ, и онъ рѣшилъ пойти къ нему, чтобы немного пообсужать и затѣмъ вернуться домой. Такъ онъ и сдѣлалъ. Обогрѣвшись и переодѣвшись въ сухое платье, мужъ поблагодарилъ учителя за пріютъ и направился домой.

Подходя къ дому, онъ повсе не удивился, увидя въ домѣ свѣтъ, зная по опыту, что въ этотъ день хозяйка сада не всю ночь возится съ уборкой, поэтому спокойно подошелъ къ двери и позвонилъ въ звонокъ.

Громкая, неожиданная нѣкого въ это время, услышавъ звонокъ, ринулся къ выходу, но дверь оказалась запертой, а кълючъ, по обыкновенію, былъ у меня подъ подушкой.

Видя свое безвыходное положеніе, громада разбилъ окно и вырвалъ раму, вытряхнулъ во дворъ. Въ этотъ же моментъ квартира потрузилась въ мракъ, такъ какъ я, упавъ, уронила лампу. Увидя выскочившаго въ окно незнакомаго человѣка, въ первое мгновѣ не мужъ не зналъ, что ему предпринять, такъ все это было неожиданно, но затѣмъ, придя въ себя, сталъ звать на помощь. Какъ разъ прохлотившій съ телеграммами сторожъ поспѣшилъ на его зовъ. Между тѣмъ, мракъ въ комнатѣ смѣнился жуткимъ заревомъ.

Не теряя ни минуты, съ большими усиліями вытѣсь съ подосѣвшаимъ сторожемъ, мужъ вымолотъ оконную раму и вскопалъ въ комнату. Лампа, мною уроненная, откатившись немного въ сторону, загорѣлась и отъ нея загорѣлись занавѣси на окнѣ. Еще мгновѣніе и на мнѣ загорѣлось бы платье, такъ какъ я держала на полу безъ чувствъ и безъ движеній.

Мужъ настолько растерялся, что сталъ посреди комнаты и разрыдался, не принимая никакихъ мѣръ къ тушенію расходившагося огня.

Однако, сторожъ, кетанъ сказавъ, здоровенный малый, напешелъ и принялся за тушеніе.

Вышедшій скоро изъ отпѣвннхъ, мужъ отнесъ меня въ спальню на кровати. Пожаръ былъ быстро потушенъ. Горѣвшая лампа была накрыта лѣпнымъ платомъ мужа, которое, къ слову сказать, явила оппозіціи (прочеиъ одинъ предста-

было еще мокрое; запашики сорваны. По-бѣ этого приписалъ за меня и ребенка, который давно уже плакалъ.

III.

На утро была вызвана ссыльная собака для розыска грабителя и приглашенъ докторъ, такъ какъ съ мной было очень плохо.

Преступникъ безъ особаго труда былъ разысканъ: онъ оказался сыномъ мѣстнаго свѣтловскаго крестьянина. Вкусивъ городской жизни, онъ возвратился въ село и сталъ пизексывать способъ легкой наживы.

Послѣдніе слухи, что у насъ водятся деньги, это и побуждало его на отчаянный шагъ.

И пролежалъ въ постели безъ малаго три мѣсяца, и на другой день послѣ этой ужасной ночи мой голова въ черной претрлалась въ бѣзую.

Нужно же было, чтобы мужъ упалъ въ ручей и вернулся раннее времени домой. Такъ иногда Провидѣніе стоитъ на стражѣ человѣка.

Не день ли Великаго праздника пришелъ намъ на помощь, строго осудивъ бездумный поступокъ преступника, дерзнувшаго осквернить тайну Великой ночи.

C. 3.

Мысли и впечатлѣнія.

XXX.

Г. Милоковъ собирается въ походъ.

Каждый годъ предводительствомъ не унимающаго Курляндскаго Милокова собираются въ походъ походы: онъ рѣшилъ издѣлать «изолаторію» власти. «Изолаторію» власти—это одинъ изъ тѣхъ условныхъ терминовъ еврейско-оппозіціоннаго жаргона, которыми въ послѣдніе годы появилось очень много. Недаромъ князь Трубецкой называетъ кадетовъ политическими изсугами: у нихъ все прикрито политическими повсюдами. Даже обыкновенный разбой они переименовали въ «экспроприацию», а убійства—въ «террористическіе акты».

Для сабыхъ душой людей, еще сохранившихъ кое-какіе остатки совѣсти, это имѣетъ большое значеніе. Антрепренеры бунта на разбой и убійства посягаютъ обыкновенно молодежи, которую для этого доводятъ до крайней степени экзальтаціи и фанатизма. Что, однако, ни дѣлайте, какъ ни разрабатывайте молодежь, а все-же трудно нѣмъ въ прикрытые разбой и убійства представить какими-то «героическими подвѣдами». И, вотъ разбой и убійства заимены «экспроприаціи» и «террористическими актами». Позже дѣло дошло до того, что всю революцію подвѣдннли «оппозіціи». Это тоже имѣетъ большое значеніе. Какой-нибудь церемоніеюшестеръ Дюра Его Величества графа Орлова-Давыдова революціи занимается никогда не станеть. Ну, а когда революція переименована въ «оппозіцію», онъ со спокойной совѣстью садится на лѣтныя скамьи Таврическаго дворца и все аккуратно дѣлаетъ по командѣ г. Милокова.

Съ той же пылкой революціонной похотью противъ власти имѣиъ получилъ псевдонимъ «изолаторію» власти. Раньше въ этихъ случаяхъ применялись термины: «штурмъ власти» и «осада власти», причемъ, разумеется, ясно было, что «осада власти», по плану антрепренерскаго бунта, должна была закончиться «штурмомъ» ея. Цѣль революціонной борьбы всегда была одна—захватъ власти. Министры только тактика, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Въ 1905—1906 г. антрепренеръ бунта вѣдъ штурмъ власти (больше, впрочемъ, при помощи церковныхъ трубъ), утвердивъ, что власть окончательно канитулируетъ и попадаетъ въ ихъ руки. Кончнка министрскихъ портфелей г. Милокова и К^о тогда действительно консулись. Но, какъ зарвавшіеся игроки, они тогда перетанули струны, которыми и порывались. «Штурмъ» власти былъ отбитъ русскими первой Думы. Но г. Милоковъ, утративъ чувство действительности, увезъ расшугенную Думу въ Выборгъ и оттуда рѣшилъ произвестъ новый «штурмъ». Я говорю о его знаменитомъ воззваніи, призывавшемъ страну не платить налоговъ и не давать новобранцевъ. Этимъ воззваніемъ имѣлось въ виду зажать по всей Россіи пламя революціоннаго пожара, пламя всеобщаго возстанія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Милоковъ и К^о, выпуская это воззваніе, были убеждены, что всеобщее возстаніе непременно и даже немедленно послѣдуетъ, и они изъ Выборга пробѣжали прямо въ министерскія квартиры въ Петербургъ. Но въбурскій «штурмъ власти» оказался жалкимъ покушеніемъ съ негодными средствами; страна отпихнула въбурскія прокламаціи, какъ ненужный бумажки. Революція оказалась у «разбитого корыта»... Послѣ этого антрепренеръ бунта рѣшилъ свернуть лѣвый «штурмъ власти» зашннть медленной и «систематической «осадой власти». Исно однако, что великая осада всегда является лишь подготовкой штурма: осада должна непременно закончиться послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ, который и называется штурмомъ. Нантъ дѣло идетъ именно къ этому.

Цѣлый рядъ лѣтъ, послѣ русскаго первой Думы и выборскаго воззванія, антрепренеры бунта вели медленную «осаду» власти. Эта осада заключалась въ антипашу, въ наклоненіи и организациіи революціонныхъ силъ, въ методическомъ зашннтіи ихъ антипашу. Нантъ антрепренеры бунта рѣшили, что подготовительная работа уже значительно подвинулась впередъ и что теперь можно зашннть уже непосредственной подготовкой «штурма власти».

Терминологія, однако, вновь измѣнилась въ смыслѣ еще большаго смѣшенія ея. Подобно тому, какъ послѣ жалкой неудачи выборскаго призыва къ бунту кадеты негодующе говорили: «мы все не признавали страну къ бунту: мы только рекомендовали ей насильное сопротивленіе»,—кадеты и теперь уже не зовутъ распространяемое ими элементъ населенія къ «штурму власти», а говорятъ болѣе скромно о необходимости «изолаторіи власти». Исно однако, что это такое за штурмъ—«изолаторію» власти: это то-же, что мы дѣлали съ аріей Османа-пашы въ Плевнѣ. Окружить противника со всѣхъ сторонъ, отбѣзть ему всѣ пути отступленія и зашннть его канитулировать,—вотъ въ чѣмъ заключается «изолаторію».

На военномъ языкѣ это называется блокадой. Антрепренеры бунта полагаютъ, что власти, окруженная со всѣхъ сторонъ «обшвеніи» пламенъ оппозіціи (прочеиъ одинъ предста-

вители «оппозіціи» должны работать бомбами и браунингами, а другіе—оказывать лишь «пассивное сопротивленіе», не имѣяши пш въ чѣмъ опоры, въ концѣ концовъ, должны будутъ канитулировать, и тогда-то министерскіе портфели, ускользнувшіе изъ рукъ г. Милокова и К^о въ 1906 году, непременно станутъ ихъ добычей.

Итакъ, «изолаторію» власти,—вотъ оппозіціонный лозунгъ самаго послѣдняго времени. Для проведенія этого лозунга въ жизнь, необходимо всеобщее объединеніе силъ «оппозіціи». Это и было главной заботой недавно состоявшейся кадетской конференціи. Ниного новаго для кадетовъ въ этомъ разумѣется, нѣтъ, и тѣ, кто полагаеи, что кадеты только теперь подумываютъ объ объединеніи силъ «оппозіціи», сильно заблуждаются. Съ самаго начала революціоннаго движенія въ Россіи, кадеты и крайне лѣвые и тѣ, и другіе находятся подъ верховнымъ руководствомъ и командой еррестъ дѣйствовали въ дружномъ союзѣ. Изнѣстко, что въ 1904 году, послѣ поражения нашего у Японіи, въ Парижѣ состоялся съѣздъ представителей революціонныхъ партій и организациіи. На этомъ съѣздѣ зашннлъ г. Милоковъ и другіе кадеты, причемъ съостями г. Милокова были съ одной стороны,—финляндскіе Рони Цилиаксусъ, убійца генерала Бобринкова, а съ другой,—еврей Евно Асфѣ, убійца Великаго Князя Сергея Александровича и министра Паше. Съ тѣхъ поръ тѣсный союзъ кадетовъ съ болѣвистами не только не прекратился, но и не ослабѣвалъ. Въ частности, въ Государственной Думѣ кадеты и крайне лѣвые всегда дѣйствовали въ полномъ согласіи. Да и возможно-ли между ними разлаганіе? И кадеты, и крайне лѣвые—коченополиты. Кадетская партія, подобно крайнимъ лѣвымъ, является партией революціонной, а не оппозіціонной. Программы различны между кадетами и крайними лѣвыми, но это не должно смущать, ибо кадеты, какъ и крайніе лѣвые, партія радикальная, а не либеральная, республиканская, а не монархическая.

Въ тѣсномъ союзѣ съ крайними лѣвыми кадеты въ 1904 году, на парижскомъ съѣздѣ, вырабатывали планъ «штурма власти». Въ такомъ же тѣсномъ союзѣ съ ними кадеты будутъ имѣиъ осуществитъ планъ «изолаторіи власти».

Разумеется, съ тѣхъ поръ произошли и нѣкоторыя измѣненія. Въ кадетскомъ лагерѣ образовалось лѣвое крыло, состоящее изъ русскихъ людей, настроенныхъ либерально, но отнюдь не радикально, осуждающихъ терроръ и вообще кровавые приемы борьбы и не желающихъ быть еврейскими напѣвками. Это крыло уже и теперь стоитъ въ кадетской партіи на отаѣ, и когда милоковъшн дѣлаетъ въ походъ вытѣсь съ социалетами, оно, безъ сомнѣнія, откозелотъ отъ кадетовъ. Неизбѣжность этого «откола» признавалъ и самъ г. Милоковъ. Правые кадеты рѣшительно стоятъ за мирную эволюцію и осуждаютъ кровавую революцію. Въ этомъ отношеніи г. Макаковъ и Милоковъ—союзъ не попутчики.

Образовавшіеся въ кадетскомъ лагерѣ брѣшъ съннать запомнитъ лѣвые октябристы, руководимые г. Гучковымъ. Носѣднѣиъ всю свою карьеру сѣдѣлъ на борьбѣ съ кадетами. Но въ послѣднее время онъ круто повернулъ вѣзю. Ннѣтъ въ газетныхъ интервью онъ по поводу кадетской конференціи не поспулился на похвалы похвалы кадетовъ, высказался также за необходимость «изолаторіи власти» и рѣзительно пресеклаа неминуемость близкой «катастрофы».

Страннѣе, разумеется, сонъ, да милошнѣиъ Бытъ. Я не беруся за роль пророка. Я также признаю наше внутреннее положеніе очень сложнымъ и тяжелымъ и полагаю, что правые круги стоятъ на ложномъ пути и своими ошибками еще болѣе ухудшаютъ положеніе. Чѣмъ все это кончится, я не знаю. Въ будущемъ неизбежны тяжелыя потрясенія. Но премемерскій портфель г. Милокова не выпадетъ до этого дѣла не дойдетъ. Кадетская революція обречена на неудачу, ибо это—инородская, анти-патріотическая, анти-русская революція. Въ русскому государствѣ не можетъ имѣиъ рѣшительнаго успѣха та партія, всѣ силы которой направлены противъ Россіи и русскаго народа. На почвѣ неволности власти, пребывающей въ отпѣвннхъ и идущей отъ ошибокъ къ ошибкамъ, кадетское сѣмъ партія можетъ поднять волну значительнаго движенія. Но въ рѣшительный моментъ это движеніе будетъ снито и снесено стихійной народною контр-дѣвицей, ибо русский народъ, сумѣвшій создать великое государство, сумѣетъ и отстояти матушку-Русь отъ захвата воинствующихъ инородцами. Золотой народный инстинктъ, въ концѣ-воцѣвъ, покроетъ всѣ ошибки власти.

А. Савенко.

Съѣздъ по борьбѣ съ раковыми заболеваниями.

Засѣданія 3-го апрѣля.

Утреннее засѣданіе.

Послѣдній день съѣзда. Утреннее засѣданіе съѣзда было посвящено вопросу о примѣненіи радія при леченіи злокачественныхъ опухолей. На эту тему было прочтено семь докладовъ.

Докладъ В. И. Вернадскаго.

Первымъ говоритъ академикъ В. И. Вернадскій на тему о нахожденіи радіевыхъ рудъ въ Россіи.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ радіемъ, выведеннымъ изъ Западной Европы, а между тѣмъ, наша родина въ смыслѣ добычи радіоактивныхъ веществъ представляетъ неисчерпаемый кладъ.

Въ послѣдніе годы были предприняты изслѣдованія въ Ферганѣ, на Кавказѣ и на Уралѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ, и во многихъ изъ нихъ, несомнѣнно, имѣются радіоактивные вещества.

Изслѣдованія тормозятся вслѣдствіе отсутствия средствъ. Мнѣе тѣмъ, чтобы пользоваться радіемъ при леченіи, его необходимо имѣиъ въ большомъ количествѣ, а для этого необходимо вести плановыя научныя изслѣдованія. Многочисленные ходатайства академіи наукъ объ отпускѣ средствъ остались безъ удовлетворенія. Только въ послѣднее время были ассигнованы суммы, но и онѣ снншкомъ недостаточны.

При такихъ условіяхъ никакая научная работа невозможна, и мы рискуемъ остаться на долгое время безъ радія, такъ какъ получать его изъ-за границы съ

каждымъ днемъ становится все труднѣе и труднѣе.

Докладъ В. И. Гейнца.

В. И. Вернадскаго съиннъ профессоръ В. И. Гейнацъ, прочитавшій докладъ о радіотерапіи рака.

Сущность дѣйствія радія на ткани новообразованій, по словамъ докладчика, заключается въ томъ, что нестойкія кѣтвы опухолю являются значительно болѣе чувствительными къ радію и подвергаются распаду отъ такихъ дозъ, которыя не вредны кѣткамъ здоровыхъ тканей. Если бы этого не было, терапевтическое значеніе радія было бы такъ велико, и его можно было бы замѣнить прижигающими средствами.

Изъ разстройствъ послѣ леченія большими дозами радія слѣдуетъ отмѣтитъ разстройство общаго состоянія: головныя боли, рвота, повышеніе температуры и друг.

Вызываетъ также и осложненія отъ примѣненія большихъ дозъ радія въ видѣ разстройства прямой кишки, которое можетъ за собой смерть. Но такіе осложненія могутъ быть предупреждены если примѣнять небольшие дозы.

Верхенеймъ, стараясь подорвать значеніе радія, подвергъ 7 больныхъ ракомъ матки леченію радіемъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько недѣль удалилъ матку хирургическимъ путемъ, чтобы изслѣдовать се подъ микроскопомъ. Въ четырехъ случаяхъ въ глубинѣ оказались злокачественныя новообразованія, а одна больная умерла.

Проф. Гейнацъ указываетъ на неумѣнность такого поступка врача, подвергающаго больныхъ подобнымъ операціямъ. Въ заключеніе докладчикъ заявляетъ:

«Нѣтъ хирурга, дождитъ пш ридомъ съ радіемъ. Радій является могущественнымъ средствомъ противъ злокачественныхъ новообразованій. Каковы бы ни были въ будущемъ явленія въ терапіи, радій навсегда сохранитъ видное мѣсто въ арсеналѣ нашихъ средствъ, направленныхъ на борьбу противъ рака и другихъ злокачественныхъ опухолей».

Слѣдующій докладчикъ—приватъ-доцентъ Москов

<p>Усадьба продается. Земли 600 с. М.-Васильков- ская, 26. 10-10 1923</p>		<p>Въ моемъ квартира, замѣнившая да- чу. 2 комнаты, кухня. Обращаться къ швейцару, дочь № 3; Колодезная ул. № 3</p>	
--	--	--	--